

Эристика, или Искусство побеждать в спорах

Автор:

[Артур Шопенгауэр](#)

Эристика, или Искусство побеждать в спорах

Артур Шопенгауэр

«Эристика, или Искусство побеждать в спорах» – труд великого немецкого философа Артура Шопенгауэра (нем. Arthur Schopenhauer, 1788-1860). ***
Эристика – наука о правильном ведении спора, когда один из собеседников всегда останется при своем мнении, то есть останется правым. Другими выдающимися произведениями А. Шопенгауэра являются «О воле в природе», «О свободе воли», «Об основе морали», «Две основные проблемы этики», «О четверояком корне закона достаточного основания» и «Мир как воля и представление». Артура Шопенгауэра называли «философом-пессимистом»: он считал существующий мир «наихудшим из возможных», в противоположность немецкому мыслителю Готфриду Лейбницу.

Артур Шопенгауэр

ЭРИСТИКА, ИЛИ ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ В СПОРАХ

I. Эристика

Слова «логика» и «диалектика» уже в древности употреблялись и считались синонимами, хотя глагол обсуждать, думать, соображать и беседовать – два совершенно различных понятия.

Подобное употребление этих выражений существовало в средние века и даже встречается иногда и по сию пору. В новейшие времена слово «диалектика» употреблялось некоторыми учеными, в особенности Кантом, в отрицательном смысле, которые называли её «софистическим способом вести прения» и по этой причине выше ставили слово «логика», как более невинное выражение данного понятия. Собственно же говоря, эти оба слова имеют совершенно одинаковое значение, поэтому за последние годы на них опять стали смотреть зачастую, как на синонимические выражения.

Такое положение вещей меня несколько стесняет и не дает возможности так, как хотелось бы, оттенить и отделить эти две науки: логику и диалектику. По моему мнению, логике можно дать такое определение: «наука о законах мышления или способы деятельности разума» (от глагола обдумывать, обсуждать, происходящего в свою очередь от слова разум или слово); диалектика же, употребляя это выражение в современном значении, есть «искусство вести прения и споры или разговоры». Всякий разговор основан на приведении фактов или взглядов, то есть один раз бывает историческим, другой раз что-либо разбирает или рассматривает. Отсюда очевидно, что предмет логики дан целиком a priori, без всякой примеси чего-либо исторического, или что в область этой науки входят общие законы мышления, которым подчиняется всякий ум в тот момент, когда он предоставлен самому себе, когда ничто ему не мешает, следовательно, в период уединенного мышления разумного существа, которого ничто не вводит в заблуждение. Наоборот, диалектика рассматривает одновременную деятельность двух разумных существ, которые думают в одно и то же время, откуда, конечно, возникает спор, то есть духовная борьба. Оба существа обладают чистым разумом, и потому они должны бы были согласиться друг с другом; на самом деле такого согласия нет, и это несогласие зависит от различных индивидуальностей, присущих субъектам, и потому должно считаться элементом эмпирическим. Таким образом, логику, как науку мышления, то есть деятельности чистого разума, можно было бы построить совершенно a priori; диалектику же по большей части только a posteriori, после практического уразумения тех перемен, которым подвергается чистая мысль, как результат индивидуальных различий при одновременном мышлении двух разумных существ, а также после ознакомления со средствами, которые употребляет каждый из них для того, чтобы выставить свои индивидуальные мысли чистыми и объективными. А это происходит по той причине, что всякому человеку свойственно при совместном мышлении, то есть стоит ему только узнать, при взаимном обмене взглядов (кроме исторических разговоров), что чьи-либо мысли относительно данного предмета отличаются от его собственных, то он, вместо того, чтобы прежде всего проверить свою мысль, всегда

предпочитает допустить ошибку в чужой мысли. Другими словами, всякий человек уже от природы желает всегда быть правым; тому именно, что возникает из этой особенности людей, учит нас одна отрасль науки, которую я хотел бы назвать «диалектикой» или для устранения возможного недоразумения «эристической диалектикой».

Таким образом, это наука о стремлении человека показать, что он всегда бывает прав. «Эристика» – только более резкое название данного предмета.

«Эристическая диалектика», следовательно, есть искусство вести споры, но таким образом, чтобы всегда оставаться правым, то есть *per fas et nefas*. В конце концов, объективно, можно быть правым и не казаться таковым другим, а даже очень часто и самому себе; это бывает в том случае, когда противник опровергает наши доводы и когда это сходит за опровержение всего спорного тезиса, в доказательство которого может существовать много других, не приведенных нами в данную минуту доводов. В таких случаях противник окружает себя ложным светом, кажется человеком, имеющим резон, а на самом деле кругом неправ. Итак, истина спорного вопроса, взятая объективно, и сила правоты или резона в глазах спорящих и слушателей – вещи совершенно различные; эристическая же диалектика всецело основана на последней.

Если бы в природе людей не существовало зла, если бы мы были совершенно честны при каждом обмене мыслей, тогда, безусловно, мы единственно старались бы добиться правды и не обращали внимания, чей взгляд справедлив: высказанный ли первоначально нами самими, или же нашим противником. К этому последнему взгляду мы отнеслись бы совершенно равнодушно, или, по крайней мере, не придавали бы ему такого важного значения. Теперь же, наоборот, это составляет вещь первостепенной важности. Наш мозг весьма раздражителен во всём, что касается интеллектуальных сил, и никак не хочет согласиться, чтобы было ошибочно то, что мы сказали первоначально, а то, что сказал противник – справедливо. Имея в виду это обстоятельство, следовало бы каждому человеку высказывать только правильные мнения, а потому сперва думать, а потом говорить. Но кроме врожденного мышления большинству людей еще свойственна болтливость и врожденная недобросовестность. Говорим о чём-нибудь, совершенно не подумавши, и потом даже, если мы вскоре заметим, что наше мнение ложно и лишено основания, всё-таки стремимся доказать во что бы то ни стало совершенно противное. Любовь к правде, которая в большинстве случаев была единственным побуждением постановки тезиса, кажущимся правдивым, совершенно уступает место любви к собственному мнению; так что

правда таким образом кажется ложью, а ложь правдой.

Однако и эта недобросовестность, эта настойчивая защита тезиса, фальшь, которую мы сами сознаем отлично, имеет достаточное основание. Очень часто при начале разговора мы бываем глубоко убеждены в справедливости нашего суждения, но потом аргумент противника настолько силен, что опровергает и разбивает нас; если мы сразу откажемся от своего убеждения, то весьма возможно, что впоследствии убедимся, что мы были правы, но что наше доказательство было ошибочным. Для защиты нашего тезиса, может быть, и были веские доводы и доказательства, но как раз на наше несчастье такой избавитель-аргумент не пришел нам в голову. Таким образом мы создаем себе правило ведения споров с аргументами основательными и доказывающими предмет, и в то же время допускаем, что резонность противника только кажущаяся, и что во время спора можем случайно попасть на такой довод, который или разобьет окончательно аргумент противника, или каким либо иным образом обнаружит несправедливость мнения противника.

Благодаря этому, если мы и не принуждены непременно быть в споре недобросовестными, то по крайней мере легко очень можем случайно сделаться ими. Так взаимно поддерживают друг друга немощь нашего суждения и превратность нашей воли. Отсюда происходит, что ведущий диспут борется не за правду, но за свой тезис, как *pro ara et focus*, ведет дело *per fas et nefas* и, как я раньше заметил, нелегко может освободиться от этого. Всякий стремится одержать верх даже в том случае, когда отлично сознает, что его мнение ложно и ошибочно или сомнительно.

Макиавелли советует князю пользоваться каждой минутой слабости своего соседа, чтобы напасть на него, потому что в противном случае этот же сосед может воспользоваться его минутной слабостью. Совсем иное дело, если бы господствовала правда и искренность; но нет возможности ни рассчитывать на них, ни руководствоваться этими принципами, потому что за такие хорошие качества награда бывает весьма плохая. Таким же образом следует поступать в споре. Весьма сомнительно, оплатит ли тебе противник тем же, если ты в споре отдашь ему справедливость, когда эта справедливость только кажущаяся; почти наверно можно сказать, что он не будет великодушничать, а поведет дело *per nefas*

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/artur-shopengauer/eristika-ili-iskusstvo-pobezhdat-v-sporah>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)